

ВИКТОР

ПЕЛЕВИН

ЖИЗНЬ
НАСЕКОМЫХ

продолжается
новым рассказом

СВЕТ
ГОРИЗОНТА

Annotation

Повесть одного из самых ярких современных писателей Виктора Пелевина.

В этой повести герои одновременно и люди (рэкетеры, наркоманы, мистики, проститутки), и насекомые.

*Я сижу в своем саду. Горит светильник.
Ни подруги, ни прислуги,
ни знакомых.
Вместо слабых мира этого и
сильных – лишь согласное
гуденье насекомых.*

Иосиф Бродский

1. Русский лес

Главный корпус пансионата, наполовину скрытый старыми тополями и кипарисами, был мрачным серым зданием, как бы повернувшимся к морю задом по команде безумного Иванушки. Его фасад с колоннами, потрескавшимися звездами и навек согнутыми под гипсовым ветром снопами был обращен к узкому двору, где смешивались запахи кухни, прачечной и парикмахерской, а на набережную выходила массивная стена с двумя или тремя окнами. В нескольких метрах от колоннады поднимался бетонный забор, по которому уходили вдаль поблескивающие в лучах заката трубы теплоцентрали. Высокие торжественные двери, скрытые в тени опирающегося на колонны циклопического балкона (скорее даже террасы), были заперты так давно, что даже щель между ними исчезла под несколькими слоями спекшейся краски, и двор обычно пустовал – только иногда в него осторожно протискивался грузовик, привозивший из Феодосии молоко и хлеб.

Но в этот вечер во дворе не было даже грузовика, поэтому гражданин, облокотившийся на лепное ограждение балкона, не был виден никому, кроме, может быть, пары патрульных чаек, белыми точками плывших в небе. Гражданин глядел вниз и вправо, на маленький домик лодочной станции, под крышей которого помещалась воронка репродуктора. Шумело море, но когда ветер начинал дуть в сторону пансионата, можно было разобрать обрывки обращенных к пустому пляжу радиопредложений.

– ...вовсе не одинаковы, не скроены по одному и тому же шаблону...

– ...создал нас разными – не часть ли это великого замысла, рассчитанного, в отличие от скоротечных планов человека, на многие...

– ...чего ждет от нас Господь, глядящий на нас с надеждой? Сумеет ли мы воспользоваться его даром?..

– ...он сам не знает, как проявят себя души, посланные им на...

Долетели звуки органа. Мелодия была довольно величественной, только время от времени ее прерывало непонятное «умпс-умпс»; впрочем, особенно вслушаться не удалось, потому что музыка играла очень недолго и снова сменилась голосом диктора:

– Вы слушали передачу из цикла, подготовленного специально для нашей радиостанции по заказу американской благотворительной организации «Вавилонские реки»... по воскресеньям... по адресу: «Голос Божий», Блисс, Айдахо, США.

Репродуктор смолк, и мужчина загнул указательный палец.

– Ага, – пробормотал он, – сегодня воскресенье. Значит, танцы будут.

Выглядел он странно. Несмотря на теплый вечер, на нем были серая тройка, кепка и галстук (почти так же был одет стоявший внизу небольшой южный Ленин, по серебристое лоно увитый виноградом). Но мужчина, судя по всему, не страдал от жары и чувствовал себя вполне в своей тарелке. Иногда только он посматривал на часы, оглядывался и что-то укоризненно шептал.

Репродуктор несколько минут шипел вхолостую, а потом мечтательно заговорил по-украински. Тут мужчина услышал за спиной шаги и обернулся. По балкону к нему шли двое. Первым шагал низенький толстяк в белых шортах и пестрой майке. Следом шел иностранец в панаме, легкой рубашке и светлых бежевых штанах, с большим обтекаемым кейсом в руке. То, что это иностранец, было ясно не столько по одежде, сколько по хрупким очкам в тонкой черной оправе и по нежному загару того особого набоковского оттенка, которым кожа покрывается исключительно на других берегах.

Мужчина в кепке показал пальцем на свои часы и погрозил толстяку кулаком, на что тот ответил криком:

– Спешат! Врут все!

Сойдясь, они обнялись.

– Привет, Арнольд.

– Здравствуй, Артур. Знакомьтесь, – толстяк повернулся к иностранцу, – это Артур, о котором я вам рассказывал. А это Сэмюэль Саккер. Говорит по-русски.

– Просто Сэм, – сказал иностранец, протягивая руку.

– Очень приятно, – сказал Артур. – Как добрались, Сэм?

– Спасибо, – ответил Сэм, – нормально. А что тут у вас?

– Все как обычно, – сказал Артур. – Вы себе представляете ситуацию в Москве, Сэм?

Считайте, тут то же самое, только несколько больше гемоглобина и глюкозы. Ну и витаминов, конечно, – корм тут хороший, фрукты, виноград.

– И потом, – добавил Арнольд, – насколько мы знаем, вы на Западе просто задыхаетесь от различных репеллентов и инсектицидов, а наша упаковка экологически абсолютно чиста.

– А санитарно?

– Простите?

– Санитарно она чиста? Вы ведь про кожу? – сказал Сэм.

Арнольд несколько смутился.

– Н-да, – нарушил Артур неловкую паузу. – Вы к нам надолго?

– Дня, думаю, на три-четыре, – ответил Сэм.

– И вы успеете за это время провести маркетинг?

– Я бы не стал употреблять слово «маркетинг». Просто хочу набраться впечатлений.

Составить, так сказать, общее мнение, насколько целесообразно развивать здесь наш бизнес.

– Отлично, – сказал Артур. – Я уже наметил несколько образцов, которые в достаточной степени репрезентативны, и, думаю, завтра с утра...

– О нет, – сказал Сэм. – Никаких потемкинских деревень. Я предпочитаю двигаться наугад. Как ни странно, при этом получаешь самое верное представление о ситуации. И не завтра с утра, а прямо сейчас.

– Как? – ахнул Артур. – А отдохнуть? Выпить с дорожки?

– Действительно, – сказал Арнольд, – лучше бы завтра. И по нашим адресам. А то у вас сложится искаженное представление.

– Если у меня сложится искаженное представление, у вас будет достаточно времени, чтобы его исправить, – ответил Сэм.

Уверенным спортивным движением он вскочил на перила балкона и сел, свесив в пустоту ноги. Двое остальных, вместо того чтобы удержать его, влезли на ограждение сами. Артур проделал эту операцию без труда, а Арнольду она удалась только со второй попытки, и сел он не так, как первые двое, а спиной ко двору, словно для того, чтобы голова не кружилась от высоты.

– Вперед, – сказал Сэм и прыгнул вниз.

Артур молча последовал за ним. Арнольд вздохнул и спиной вперед повалился следом, как аквалангист, опрокидывающийся в море с борта лодки.

...Окажись у этой сцены свидетель, он, надо полагать, перегнулся бы через перила, ожидая увидеть внизу три изувеченных тела. Но он не увидел бы там ничего, кроме восьми небольших луж, расплющенной пачки от сигарет «Приморские» и трещин на асфальте.

Зато если бы он обладал нечеловечески острым зрением, то смог бы разглядеть вдалеке трех комаров, улетающих в сторону скрытого за деревьями поселка.

Что почувствовал бы этот воображаемый наблюдатель и как бы он поступил – растерянно полез бы вниз по ржавой пожарной лестнице, единственному пути, ведущему прочь с давно и

наглухо заколоченной террасы, или – кто знает? – ощутив в своей душе новое неведомое чувство, сел бы на серое лепное ограждение и повалился бы следом за тремя собеседниками? Не знаю. Да и вряд ли кто-нибудь знает, как поступил бы тот, кто на самом деле не существует, но зато обладает нечеловечески острым зрением.

Отлетев на несколько метров от стены, Сэм оглянулся на компаньонов. Артур с Арнольдом превратились в небольших комаров характерного цвета «мне избы серые твои», когда-то доводившего до слез Александра Блока; теперь они с мутной завистью глядели на своего спутника, покачиваясь в потоке воздуха, восходящем от нагретой за день земли.

Только неудобное устройство ротовых органов удержало Сэма Саккера от самодовольной гримасы. Он выглядел совсем иначе: он был светло-шоколадной раскраски, с изящными длинными лапками, поджарым брюшком и реактивно скошенными назад крыльями; если изменившиеся лица Артура и Арнольда заканчивались толстым штырем, похожим не то на иглу титанического шприца, не то на измеритель скорости на носу реактивного истребителя, то губы Сэма элегантно вытягивались в шесть тонких упругих отростков, между которыми торчал длинный острый хоботок, – словом, понятно, как выглядел москит-кантатор рядом с двумя простыми русскими насекомыми. К тому же Артур с Арнольдом летели каким-то бабьим брассом, а движения крыльев Сэма скорее напоминали бабтерфляй, поэтому двигался он намного быстрее и ему даже иногда приходилось зависать в воздухе, чтобы подождать спутников.

Летели молча. Сэм описывал широкие круги вокруг Артура и Арнольда, которые угрюмо посматривали на его эволюции; особенно плохо было Арнольду, которого тянула к земле поблескивавшая в его брюхе рубиновая капля. Куда летел Сэм, было непонятно – он выбирал дорогу по ему одному известным приметам, несколько раз поворачивал и менял высоту, зачем-то влетел в окно, промчался по длинному пустому чердаку и вылетел с другой стороны; наконец навстречу поплыла белая стена с окном в синей раме, и все вокруг накрыла густая тень росших вокруг дома груш. Сэм снизился, подлетел к невысокому окну, затянутому белой марлей, и приземлился на криво прибитую доску, служившую карнизом. Артур с Арнольдом сели рядом. Как только стих тонкий звон крыльев, перекрывавший почти все остальные звуки, стал слышен доносящийся из-за марли храп.

Сэм вопросительно посмотрел на Артура.

– Тут дырка должна быть в углу, – шепотом сказал тот. – Обычно наши делают.

Дырка оказалась узкой щелью между рамой и марлей. Артур с Сэмом протиснулись в нее без особого труда, а у Арнольда возникли проблемы с брюхом; он долго сопел и отдувался и пролез только тогда, когда спутники втянули его внутрь за лапки.

В комнате было темно; пахло одеколоном, плесенью и потом. В центре размещался большой стол, покрытый клеенкой; рядом стояли кровать и тумбочка, на которой блестел ровный ряд граненых флаконов. На кровати, в ворохе скомканных простыней, лежало полуобнаженное тело, свесившее одну синюю трикотажную ногу к полу. Оно содрогалось в спазмах беспокойного сна и, естественно, не заметило появления на тумбочке недалеко от своей головы трех комаров.

– Что это у него за татуировка? – тихо спросил Сэм, когда его глаза привыкли к полумраку. – Ну, Ленин и Сталин – это понятно, а почему снизу написано «лорд»? Это что, местный аристократ?

– Нет, – ответил Артур. – Это аббревиатура. «Легавым отомстят родные дети».

– Он ненавидит собак?

– Понимаете, – снисходительно ответил Арнольд, – это сложный культурный пласт. Если я

сейчас начну давать объяснения, мы буквально утонем. Давайте лучше, раз уж прилетели, брать пробу, пока материал спит.

– Да-да, – сказал Сэм. – Вы совершенно правы.

Он взмыл в воздух и после грациозного иммельмана над лежащим приземлился на участок тонкой и нежной кожи возле уха.

– Арнольд, – восхищенно прошептал Артур, – ну и ну... Он же беззвучно летает.

– Америка, – констатировал Арнольд. – Ты лети присмотри за ним, а то мало ли.

– А ты?

– Я здесь подожду, – сказал Арнольд и похлопал себя лапкой по брюху.

Артур взлетел и, стараясь звенеть по возможности тише, подлетел к Сэму. Тот пока еще не делал лунки и сидел на буграх кожи, между которыми торчали волосы, походившие на молодые березки.

Сэм встал, прислонился к одной из березок и задумчиво уставился на далекие холмы сосков в густых рыжих зарослях.

– Знаете, – сказал он, когда Артур приземлился рядом, – я много путешествую, и что меня всегда поражает, это уникальная неповторимость каждого пейзажа. Я недавно был в Мексике – конечно, не сравнить. Такая богатая, знаете, щедрая природа, даже слишком щедрая. Бывает, чтобы напиться, долго бредешь сквозь грудной чапараль, пока не находишь подходящего места. Ни на миг нельзя терять бдительности – с вершины волоса на тебя может напасть дикая вша, и тогда...

– А что, вша может напасть? – недоверчиво спросил Артур.

– Видите ли, мексиканские вши очень ленивые, и им, конечно, легче высосать кровь из тонкого комариного брюшка, чем добывать пищу честным трудом. Но они очень неповоротливы, и если вша нападает, обычно все же успеваешь взлететь. А в воздухе может сбить блоха. Словом, это суровый мир, жестокий, но в то же время прекрасный. Я, правда, больше люблю Японию. Знаете, эти долгие желтые пространства, почти лишенные растительности, но все же не похожие на пустыню. Когда смотришь на них с высоты, кажется, что попал в глубокую древность. Но все это, конечно, надо видеть самому. Ничего нет красивее японских ягодиц, когда их чуть золотит первый рассветный луч и обдувает тихий ветер... Боже, как прелестна бывает жизнь!

– А здесь вам нравится?

– Каждый пейзаж имеет свое очарование, – уклончиво ответил Сэм. – Я бы сравнил эти места (он кивнул головой в сторону нависшего над шеей уха) с Канадой в районе Великих Озер. Только здесь все ближе к неосвоенной природе, все запахи естественные... – он ткнул лапкой в основание волоса, – мы ведь и забыли, как она пахнет, мать – сыра кожа...

По интонации, с которой Сэм произнес последние слова, Артур понял, что тот щеголяет знакомством с русской идиоматикой.

– В общем, – добавил Сэм, – разница примерно как между Японией и Китаем.

– А вы и в Китае бывали? – спросил Артур.

– Приходилось.

– А в Африке?

– Сколько раз.

– Ну и как?

– Не могу сказать, чтобы мне особо понравилось. Такое ощущение, что попадаешь на другую планету. Все черное, мрачное. И потом – поймите меня правильно – я не расист, но местные комары...

Артур не нашел, о чем еще спросить, и Сэм, вежливо улыбнувшись, приступил к работе.

Выглядело это непривычно. Он отогнул боковые отростки, его острый хоботок с невероятной скоростью завибрировал и, словно нож в колбасу, погрузился в почву у основания ближайшей березки.

Артур тоже собирался напиться, но, представив себе, как его грубый и толстый нос будет с хрустом входить в неподатливую кожу, застеснялся и решил подождать. Сэм ухитрился попасть в капилляр с первой попытки, и теперь его брюшко из коричневого постепенно делалось красноватым.

Поверхность под ногами дрогнула, донеслось тихое мычание выдоха – Артур был уверен, что тело сделало это по своим внутренним причинам, без всякой связи с происходящим, но все же ему стало чуть не по себе.

– Сэм, – сказал он, – сворачивайтесь. Тут вам не Япония.

Сэм не обратил на его слова никакого внимания. Артур поглядел на него и вздрогнул. Пушистое рыльце Сэма, минуту назад бывшее осмысленным и интеллигентным, странно исказилось, а выпуклые волосатые глаза, обведенные похуже на оправу тонкой черной линией, перестали выражать вообще что-либо, словно из зеркала души превратились в две угасшие фары. Артур приблизился и слегка толкнул Сэма.

– Эй, – настойчиво сказал он, – пора.

Сэм никак не отреагировал. Тогда Артур толкнул его сильнее, но тот словно врос в почву. Его брюшко продолжало надуваться. Вдруг тело под ногами заворочалось и издало хриплый рык. Артур в панике подпрыгнул и заорал что было мочи:

– Арнольд! Сюда!

Но Арнольд, встревоженный суетой и криками, уже подлетал сам.

– Что ты звенишь на всю комнату? Что случилось?

– Что-то с Сэмом, – отвечал Артур, – его, по-моему, парализовало. Никак растолкать не могу.

– Давай его под крылья. Ага, вот так. Осторожно, ты ему на лапку наступил. Сэм, лететь можете?

Сэм слабо кивнул. Кожа, на которой они стояли, затряслась и стала крениться вправо.

– Быстро вверх! Он встает! Сэм, машите крыльями, потом поздно будет! – кричал Артур, поддерживая погруженное туловище Сэма и еле успевая уворачиваться от его крыльев, бессмысленно ходящих взад-вперед.

Наконец кое-как удалось сесть на тумбочку. Тело поднялось с кровати, нависло над комарами, и в страшной тишине из-под потолка на них черной тенью понеслась огромная ладонь. Когда Артур с Арнольдом уже собирались швырнуть Сэма навстречу судьбе и взмыть в разные стороны, ладонь изменила направление, метко схватила один из стоящих на тумбочке флаконов и исчезла вверх; раздался далекий рев пружин; тело опять закачалось на койке.

– Артур, – тихо спросил Арнольд, – ты не знаешь, что в этих флаконах?

– А это лес, – вдруг сказал Сэм. – Русский наш лес.

– Какой лес?

– Кипр шипр, – непонятно отозвался Сэм.

– Сэм, вы в порядке? – спросил Арнольд.

– Я? – зловеще усмехнулся Сэм. – Я-то в порядке. А вот с вами порядок мы еще наведем...

– Надо его на воздух быстрее, – озабоченно сказал Артур.

Арнольд кивнул и попытался поднять Сэма, но тот хлестнул его крылом по рылу, взмыл в воздух, понесся к окну и с невероятной ловкостью проскочил сквозь узкую щель между рамой окна и марлевым экраном, за которым уже синели сгустившиеся южные сумерки.

...Утро следующего дня было тихим. Сползающий с гор туман затекал в кипарисовые аллеи, и сверху казалось, что под его поверхностью, рассеченной параллельными зелеными дамбами, нет никакого дна, а если и есть, то очень далеко. Редкие прохожие казались чем-то вроде рыб, медленно плывущих на небольшой глубине; их очертания были неясными, и Артур с Арнольдом уже два раза снижались напрасно, приняв за Сэма Саккера сначала размокшую коробку от телевизора, а потом маленький стог сена, накрытый куском полиэтилена.

– Может, сел на попутку и в Феодосию уехал? – нарушил молчание Артур.

– Может, может, – отвечал Арнольд. – Все может.

– Гляди, – сказал Артур, – не он?

– Нет, – всмотревшись, сказал Арнольд, – не он. Это статуя волейболиста.

– Да нет, дальше, у ларька. Из кустов выходит.

Арнольд увидел крупный предмет, издав далеко похожий на большой навозный шар. Предмет вывалился из кустов, покачиваясь докатился до скамейки и плюхнулся на нее, вытянув вперед странно тонкие ноги.

– Садимся, – сказал Арнольд.

Через минуту они вышли из-за пустого газетного ларька, оглядели три или четыре метра видимого пространства и сели на лавку по бокам от толстяка. Несомненно, это был Сэм, но от того Сэма, который вчера вечером стоял на балконе пансионата, он отличался очень сильно. Дело было не в увеличившемся животе – эта обычная для комаров трансформация не заслуживала внимания, – а в лице, которое, оставаясь тем же самым, казалось теперь чем-то набитым, но не так, как, например, фаршированный яблоками гусь, а скорее как фаршированное гусем яблоко.

«Черт, – подумал Артур, глядя на спокойный и жутковатый профиль иностранца, – может, ему эту группу крови нельзя? Может, у него аллергия?»

– Еле вас нашли, Сэм, – заговорил Арнольд.

– А чего меня искать, – сказал Сэм, – вот он я. Сами, значит, подрулили.

Говорил он новым, незнакомым голосом, глухим и медленным.

– Где же вы ночевали? – спросил Артур. – Неужели прямо на лавке? Тут ведь места для вас незнакомые, а народ сейчас знаете какой...

Сэм неожиданно повернулся к Артуру и сгреб его за лацканы.

– Что вы, Сэм... – отдирая его руки, зашипел Артур, – пустите! Пустите! На нас люди смотрят!

Это было неправдой – на него и Сэма смотрел только растерянный Арнольд.

– Признайся, блядь, – сурово сказал Сэм, – ведь сосешь русскую кровь?

– Сосу, – тихонько ответил Артур.

Сэм высвободил одну руку и чугунными пальцами схватил за шею Арнольда.

– И ты сосешь?

– И я, – потрясенно сознался Арнольд.

Рука давила на плечи Арнольда с такой силой, что он осел под ней, как штангист, попытавшийся взять слишком большой вес, и даже вспомнил про каменную десницу из трагедии Пушкина, которую читал еще личинкой. Сэм погрузился в молчание, как бы обдумывая, что еще сказать.

– Так что ж вы ее сосете-то? – туповато спросил он минуты через три.

– Пить хочется, – жалко сказал Артур. Арнольд не видел его – все заслоняло выпирающее брюхо Сэма, похожее на одинокий красный парус. Арнольд почувствовал обиду за унижение в голосе товарища.

– А что это за намеки такие? – язвительно спросил он. – Мы всякую сосем. Да и вы разве не

сосете? Я такие разговоры давно понял. Просто сами высосать хотите до последней капли, и все. Вон брюхо-то какое. Нам с Артуром за неделю столько не выпить.

Сэм отпустил Артура и потрогал ладонью свой огромный кольщущийся живот.

– Вставай, страна огромная, – пробормотал он и с напряжением приподнялся, рукой чуть не размазав Арнольда по скамейке. Запрокинув лицо вверх, он несколько раз коротко глотнул воздух, потом нагнул голову, но вместо того чтобы чихнуть, как можно было предположить по увертюре, окатил асфальт перед собой струей темно-вишневой рвоты, пахнувшей кровью и одеколоном, и его огромный живот уменьшился сразу наполовину.

– Где я? – озираясь, спросил он голосом, уже немного напоминающим голос прежнего Сэма.

– Вы у друзей, – сказал полураздавленный Арнольд, чувствуя, как слабеет сдавившая его плечо рука. – Не волнуйтесь.

Сэм помотал головой и посмотрел на огромную кровавую лужу у себя под ногами.

– Что происходит? – спросил он.

– Понимаете, – заговорил Артур, – произошла техническая ошибка. Попался бракованный экземпляр. Вы не думайте, что все у нас «Русский лес» пьют...

От этих слов глаза Сэма сразу заволкло прежней мутью, и он снова сгреб Артура с Арнольдом.

– А ну пошли, – сказал он.

– Куда это? – испуганно спросил Артур.

– Увидишь. Пить им, сукам, захотелось...

Увлекая за собой слабо сопротивляющихся компаньонов, Сэм сделал несколько монументальных шагов по аллее в сторону набережной, и его снова вырвало, на этот раз намного более основательно. Широкий темный ручей, обдав Артура с Арнольдом небывалым запахом (так могли бы пахнуть, наверное, картонные орхидеи демонстрантов), заструился по асфальтовому уклону. Арнольд почувствовал, что кисть, только что крюком тягача тащившая его за собой, теперь сама цепляется за его шею в поисках опоры.

– Вроде все, – сказал он Артуру, перехватывая руку Сэма. – Проведем его по набережной, пусть отдышится.

– Что это с ним было? – спросил Артур.

– Не очень устойчивая психика, – ответил Арнольд. – Перепил крови и потерял контроль. Что-то вроде транса.

Аллея кончилась, и все трое пошли по набережной. Сэм уже передвигался сам, слегка пошатываясь и поправляя очки, на одном из стекол которых успела появиться трещина.

– Сэм, вы в порядке? – спросил Арнольд.

– Кажется, да, – слабым голосом ответил Сэм.

– Идти сами можете?

– Господа, – сказал Сэм, – прошу меня извинить. Я в ужасе от своего поведения.

– Ерунда какая, – весело сказал Арнольд. – Подумаешь. Мы уж и забыли все.

– Говорил я, – влез Артур, – отдохнуть надо сначала.

– Я извиняюсь, – сказал Сэм, – а где мой портфель?

Арнольд огляделся по сторонам. Кейса нигде не было видно.

– Вот незадача. А что у вас там? Что-нибудь ценное?

– Ничего особенного. Материалы для консервации. Видеокамера. Но как теперь пробы брать?

– Ясно, – сказал Арнольд, – вы его там и забыли. Сейчас вернемся... Ну хорошо, хорошо, Сэм. Понимаю. Я лично слетаю и все выясню.

– Но какой шквал эмоций, – проговорил Сэм, какой водопад чувств! Поверите, меня чуть не смело.

Артур с Арнольдом бережно усадили худенькое дрожащее тело на лавку и устроились по бокам. Сэм мелко дрожал.

– Успокойтесь, Сэм, – по-матерински зашептал Арнольд, – видите, как вокруг хорошо и тихо. Вон чайки летают, девушки ходят. Вон кораблик плывет. Красота какая, а?

Сэм поднял глаза. Сквозь туман по бетонным плитам набережной уже брели первые утренние отдыхающие. Со стороны столовой долетели два голоса: детский, что-то неразборчиво спросивший, и авторитетный басок, так же неразборчиво что-то ответивший.

Из тумана появился невысокий усатый мужчина в спортивном костюме. Следом плелся мальчик с наполненной чем-то тяжелым пляжной сумкой в руке. Он догнал мужчину и пошел рядом, косясь на Сэма и его спутников. На ногах у мальчика были синие вьетнамки, и он шаркал левой ногой, потому что одна из резиновых тесемок была порвана.

2. Инициация

– Папа, видел, какие странные дяди? – сказал мальчик, когда лавка осталась позади.

Отец сплюнул на дорогу.

– Пьянь, – сказал он. – Будешь себя так вести, тоже вроде них вырастешь.

Откуда-то в его руках появился кусок слежавшегося навоза. Он кинул его сыну, мальчик еле успел подставить руки. Из отцовских слов было не очень ясно, как надо или не надо себя вести, чтобы вырасти таким, как эти дяди, но едва в ладони шлепнулся теплый навоз, все стало понятно, и мальчик молча опустил папин подарок в сумку.

Из тумана выплыла длинная и узкая палатка, похожая на стоящий на боку спичечный коробок. Внутри за разноцветными сигаретными пачками, парфюмерными флаконами и позорными кооперативными штанами скучала продавщица. За ее спиной дымилось замызганное стекло гриль-машины, в которой жарились белые равнодушные куры. На стене палатки висел динамик, из которого рывками вылетала музыка, словно ее сквозь черную пластмассовую сетку прокачивал невидимый велосипедный насос.

– Простите, а где тут пляж? – спросил отец у продавщицы.

Продавщица высунула руку из окошка и молча указала пальцем в туман.

– Гм... А сколько вон те стаканчики стоят? – спросил отец.

Продавщица тихо ответила.

– Ничего себе, – сказал отец. – Ну давайте.

Он протянул стаканчики сыну, тот положил их в сумку, и они двинулись дальше. Палатка исчезла, а впереди появился небольшой мост. За ним туман оказался еще гуще – ясно был виден только бетон под ногами, и еще по сторонам просвечивали размытые зеленые полосы, похожие не то на огромные стебли травы, не то на деревья. Вместо неба над головой был низкий белый свод тумана, а слева иногда появлялись пустые бетонные емкости для земли с ребристыми стенками – они расширились кверху и из-за этого напоминали перевернутые пивные пробки.

– Папа, – спросил мальчик, – а из чего состоит туман?

Отец задумался.

– Туман, – сказал он, протягивая сыну несколько маленьких кусочков навоза, – это мельчайшие капельки воды, висящие в воздухе.

– А почему они не падают на землю?

Отец поразмыслил и протянул мальчику еще кусок.

– Потому что они очень маленькие, – сказал он. Мальчик опять не успел заметить, откуда папа взял навоз, и поглядел по сторонам, словно пытаясь разглядеть эти маленькие капельки.

– Мы не заблудимся? – озабоченно спросил он. – Ведь вроде уже должен быть пляж.

Отец не ответил. Он молча шел сквозь туман, и ничего не оставалось делать, кроме как следовать за ним. Мальчику померещилось, что они с отцом ползут у подножия главной елки мира сквозь огромные клочья ваты, изображающей снег, ползут неясно куда, и отец лишь делает вид, что знает дорогу.

– Папа, и куда это мы только идем, идем...

– Чего?

– Так...

Мальчик поднял глаза и увидел сбоку неясное мерцание. В белой мгле нельзя было разобрать, где находится его источник и что это светится – то ли часть тумана совсем рядом сияет голубым огнем, то ли издали пытается пробиться луч включенного неизвестно кем прожектора.

– Папа, гляди!

Отец поднял глаза и остановился.

– Что это такое?

– Не знаю, – сказал отец, трогаясь дальше. – Наверно, фонарь какой-нибудь забыли погасить.

Мальчик пошел следом, косясь на уплывающий назад свет.

Несколько минут они шли молча; мальчик иногда оглядывался, но света больше не было видно. Зато в голову опять стали приходиться странные, ни на что не похожие мысли, какие в нормальном месте никогда не возникли бы.

– Слышишь, пап, – сказал мальчик, – мне сейчас вдруг показалось, что мы с тобой давно заблудились. Что мы только думаем, что идем на пляж, а никакого пляжа на самом деле нет. И даже страшно стало...

Отец рассмеялся и потрепал мальчика по голове. Потом в его руках откуда-то появился такой здоровый кусок навоза, что его хватило бы на голову крупной навозной бабы.

– Знаешь, как в народе говорят, – сказал он, передавая кусок сыну, – жизнь прожить – не поле перейти.

Мальчик уклончиво кивнул, с трудом втиснул папин подарок в свою сумку и перехватил ее поудобнее, потому что тонкий полиэтилен ручек уже начал растягиваться.

– А бояться не надо, – сказал отец, – этого не надо... Ты ведь мужчина, солдат. На вот.

Получив новый кусок навоза, мальчик попытался удержать его в руках, но сразу же выронил, а следом на бетон шлепнулась сумка, и там хрустнули, разбившись, стаканы. Мальчик сел на корточки у сумки, из которой при падении вывалилась большая часть навоза, потрогал ее рукой, испуганно поднял глаза на отца, но вместо ожидаемой хмурой гримасы обнаружил на его лице торжественное и немного официальное умиление.

– Вот ты и стал взрослым, – помолчав, сказал отец и вручил сыну новую пригоршню навоза. – Считаю, сегодня твой второй день рождения.

– Почему?

– Теперь ты уже не сможешь нести весь навоз в руках. У тебя теперь будет свой Йа, как у меня и мамы.

– Свой Йа? – спросил мальчик. – А что такое Йа?

– Посмотри сам.

Мальчик внимательно поглядел на отца и вдруг увидел рядом с ним большой полупрозрачный серо-коричневый шар.

– Что это? – испуганно спросил он.

– Это мой Йа, – сказал отец. – И теперь такой же будет у тебя.

– А почему я его раньше не видел?

– Ты был еще маленьким. А сейчас ты вырос достаточно и уже можешь увидеть священный шар сам.

– А почему он такой зыбкий? Из чего он?

– Зыбким, – сказал отец, – тебе шар кажется потому, что ты только что его увидел. Когда привыкнешь, поймешь, что это самая реальная вещь на свете. А состоит он из чистого навоза.

– А-а, – протянул мальчик, – так вот где ты все время навоз брал. А то ты его мне все даешь, даешь, но откуда – непонятно. У тебя его вон сколько, оказывается. А какое ты слово сказал?

– Йа. Это священный египетский слог, которым навозники уже много тысячелетий называют свой шар, – торжественно ответил отец. – Пока твой Йа еще маленький, но постепенно он будет становиться все больше и больше. Часть навоза дадим тебе мы с мамой, а потом ты научишься находить его сам.

Мальчик все еще сидел на корточках, недоверчиво глядя на отца. Отец улыбнулся и чмокнул губами.

– А где я буду находить навоз? – спросил мальчик.

– Вокруг, – сказал отец и указал рукой в туман.

– Но там же никакого навоза нет, папа.

– Наоборот, там один навоз.

– Я не понимаю, – сказал мальчик.

– Держи. Сейчас поймешь. Чтобы все вокруг стало навозом, надо иметь Йа. Тогда весь мир окажется в твоих руках. И ты будешь толкать его вперед.

– Как это можно толкать вперед весь мир?

Отец положил руки на шар и чуть толкнул его вперед.

– Это и есть весь мир, – сказал он.

– Что-то я не понимаю, – сказал мальчик, как это навозный шар может быть всем миром. Или как это весь мир может стать навозным шаром.

– Не все сразу, – сказал отец, – подожди, пока твой Йа станет побольше, тогда поймешь.

– Шарик же маленький.

– Это только так кажется, – сказал отец. – Посмотри, сколько навоза я тебе сегодня дал. А мой Йа от этого совсем не уменьшился.

– Но если это весь мир, то что тогда все остальное?

– Какое остальное?

– Ну, остальное.

Отец терпеливо улыбнулся.

– Я знаю, это сложно понять, – сказал он. – Но, кроме навоза, ничего просто нет. Все, что я вижу вокруг, – отец широким жестом обвел туман, – это на самом деле Йа. И цель жизни – толкать его вперед. Понимаешь? Когда смотришь по сторонам, просто видишь Йа изнутри.

Мальчик наморщился и некоторое время думал. Потом он начал сгребать вывалившийся перед ним навоз ладонями и с удивительной легкостью за несколько минут слепил шар, не особо круглый, но все же несомненный. Шар был высотой точь-в-точь с мальчика, и это показалось ему странным.

– Папа, – сказал он, – ведь только что навоза у меня была всего одна сумка. А здесь его полгрузовика. Откуда он взялся?

– Здесь весь навоз, который мы с мамой дали тебе с рождения, – сказал отец. – Ты его все время нес с собой, просто не видел.

Мальчик оглядел стоящий перед ним шар.

– Значит, теперь надо толкать его вперед?

Отец кивнул головой.

– А все вокруг и есть этот шар?

Отец опять кивнул.

– Но как же я могу одновременно видеть этот шар изнутри и толкать его вперед?

– Сам не знаю, – развел руками отец. – Вот когда вырастешь, станешь философом и всем нам объяснишь.

– Хорошо, – сказал мальчик, – если ничего, кроме навоза, нет, то кто же тогда я? Я-то ведь не из навоза.

– Попробую объяснить, – сказал отец, погружая руки в шар и передавая сыну еще горсть. – Правильно, вот так, вот так, ладошками... Теперь погляди внимательно на свой шар. Это ты и есть.

– Как это так? Я ведь вот, – сказал мальчик и показал на себя большим пальцем.

– Ты неправильно думаешь, – сказал отец. – Ты логически рассуждай. Если ты говоришь про что-то «Йа», то, значит, это ты и есть. Твой Йа и есть ты.

– Мое ты и есть Йа? – переспросил мальчик. – Или твое ты?

– Нет, – сказал отец, – твой Йа и есть ты. Сядь на лавку, успокойся и сам все увидишь.

То, что отец назвал лавкой, было длинным и толстым бревном квадратного сечения, лежащим на границе видимости. Один его торец сильно обгорел – видно, перекинулся огонь из подожженной урны, – и теперь лавка напоминала во много раз увеличенную спичку. Мальчик подкатил свой Йа к лавке, уселся и поглядел на отца.

– А туман не помешает? – спросил он.

– Нет, – ответил отец. – Вон, гляди, уже почти видно. Только больше никуда не смотри.

Мальчик поглядел на папу, недоверчиво пожал плечами и уставился в неровную поверхность своего свежеслепленного шара. Под его взглядом она постепенно разгладилась и даже заблестела. Потом она начала делаться прозрачной, и внутри шара стало заметно движение. Мальчик вздрогнул.

Из глубины шара на него глядела шипастая черная голова с крошечными глазками и мощными челюстями. Шеи не было – голова переходила в твердый черный панцирь, по бокам которого шевелились зазубренные черные лапки.

– Что это такое? – спросил мальчик.

– Это отражение.

– Чего?

– Ну как же так? Ведь только что все понял, а? Давай опять логически. Спроси себя сам – если я вижу перед собой отражение и знаю, что передо мной Йа, что я вижу?

– Себя, наверно, – сказал мальчик.

– Вот, – сказал отец, – понял наконец.

Мальчик задумался.

– Но ведь отражение всегда бывает в чем-то, – сказал он, поднимая взгляд на рогатую и черную папину морду, поблескивающую бусинками глаз.

– Правильно, – сказал отец, – ну и что?

– В чем оно?

– Как в чем? Ну ты даешь. Все же у тебя перед глазами. Конечно, в самом себе, в чем же еще?

Мальчик долго молчал, вглядываясь в навозный шар, а потом закрыл лапками морду.

– Да, – наконец сказал он изменившимся голосом. – Конечно. Понял. Это Йа. Конечно, это же Йа и есть.

– Молодец, – сказал отец, слезая со спички и чуть привставая на четырех задних лапках, чтобы передними ухватиться за свой шар. – Идем дальше.

Туман вокруг достиг такой плотности, что скорее походил на клубы пара в бане, и о движении можно было судить только по медленно уплывающим назад насечкам на бетоне. Через каждые три метра из белого небытия появлялись забитые грязью щели между плитами – в некоторых росла трава. На краях плит были неглубокие выемки с ржавыми железными скобами, предназначенными для крюка подъемного крана. Больше об окружающем мире ничего нельзя было сказать.

– А Йа есть только у навозников? – спросил мальчик.

– Почему? Йа есть у всех насекомых. Собственно говоря, насекомые и есть их Йа. Но только скарабей в состоянии его видеть. И еще скарабей знает, что весь мир – это тоже часть их Йа, поэтому они и говорят, что толкают весь мир перед собой.

– Так что, выходит, все вокруг тоже навозники? Раз у них есть Йа?

– Конечно. Но те навозники, которые про это знают, называются скарабеями. Скарабеи – это те, кто несет древнее знание о сущности жизни, – сказал отец и похлопал лапкой по шару.

– А ты скарабей, папа?

– Да.

– А я?

– Еще не совсем, – сказал отец. – Над тобой должно совершиться главное таинство.

– А что это за главное таинство?

– Понимаешь, сынок, – сказал отец, – его природа настолько непостижима, что лучше о ней даже не говорить. Просто подожди, пока это произойдет.

– А долго ждать?

– Не знаю, – сказал отец. – Может, минуту. А может, три года.

Он с выдохом толкнул свой шар дальше и побежал за ним.

Глядя на отца, мальчик старательно копировал все его движения. Отцовские руки при каждом толчке глубоко погружались в навоз, и было непонятно, как это он успевает их вытаскивать.

Мальчик попытался так же глубоко погрузить руки в шар, и с третьей попытки это удалось – для этого просто надо было сложить пальцы щепоткой. Поворачиваясь, шар утаскивал за собой руки, и выскочить они успевали только тогда, когда казалось, что ноги вот-вот оторвутся от земли. «А что, если еще глубже?» – подумал мальчик и изо всех сил воткнул руки в навоз. Шар покатился вперед, ноги мальчика оторвались от земли, и сердце екнуло, словно он первый раз в жизни делал «солнышко» на качелях. Он взлетел вверх, замер на миг в полуденной точке и понесся вниз вместе с накатывающейся на бетон навозной сферой. Падая, он понял, что шар сейчас проедет по нему, но даже не успел испугаться. Наступила тьма, а когда мальчик пришел в себя, его уже поднимала вверх та самая навозная полусфера, которая только что придавила его к бетону.

– Доброе утро, – послышался папин голос. – Как спалось?

– Что же это такое, папа? – спросил мальчик, пытаясь перебороть головокружение.

– Это жизнь, сынок, – ответил отец.

Поглядев в его сторону, мальчик увидел серо-коричневый шар, катящийся вперед сквозь белую мглу. Папы нигде не было – но, приглядевшись, мальчик заметил на поверхности навоза размазанный нечеткий силуэт, который крутился вместе с шаром. В этом силуэте можно было выделить туловище, руки, ноги и даже два глаза, взгляд которых был устремлен одновременно и внутрь шара, и наружу. Эти глаза печально смотрели на мальчика.

– Молчи, сынок, молчи. Йа знаю, что ты спросишь. Да. Со всеми происходит именно это. Мы, скарабеи, просто единственные, кто это видит.

– Папа, – спросил маленький шар, – а почему же Йа раньше думал, что ты идешь за своим шаром и толкаешь его вперед?

– А это потому, сынок, что ты был еще маленький.

– И всю жизнь так, башкой о бетон...

– Но все-таки жизнь прекрасна, – с легкой угрозой сказал отец. – Спокойной ночи.

Мальчик глянул вперед и увидел наезжающую на глаза бетонную плиту.

– Доброе утро, – сказал большой шар, когда тьма рассеялась, – как настроение?

– Никак, – ответил маленький.

– А ты старайся, чтобы оно у тебя было хорошее. Ты молодой, здоровый – о чем тебе грустить? То ли де...

Большой шар вздрогнул и замолчал.

- Ты ничего не слышишь? – спросил он у маленького.
- Ничего, – ответил тот. – А что Йа должен слышать?
- Да вроде... Нет, показалось, – сказал большой шар. – О чем Йа говорил?
- О настроении.
- Да. Ведь мы сами создаем себе настроение и все остальное. И надо стремиться, чтобы...

Опять.

- Что? – спросил маленький.
- Шаги. Не слышишь?
- Нет, не слышу. Где?
- Впереди, – ответил большой шар, – как будто слон бежит.
- Это тебе кажется, – сказал маленький. – Спокойной ночи.
- Спокойной ночи.
- Доброе утро.
- Доброе утро, – вздохнул большой. – Может, и кажется. Ты знаешь, Йа ведь старый уже.

Здоровье шалит. Иногда утром проснусь и думаю – вот так буду где-нибудь катиться и...

- Почему, – сказал маленький, – вовсе ты не старый.
- Старый, старый, – с грустью отозвался большой. – Скоро тебе уже придется обо мне заботиться. А ты небось не захочешь...
- Как не захочу? Захочу.

– Это ты сейчас так думаешь. А потом у тебя своя жизнь начнется, и... Вот опять.

- Что опять? – нетерпеливо спросил маленький шар.
- Шаги. Ой... А теперь колокол бьет. Не слышишь?

Большой шар остановился.

- Покатили вперед, – сказал маленький шар.
- Нет, – сказал большой, – ты катись, а Йа тебя догоню.
- Ладно, – согласился маленький и исчез в тумане.

Большой шар оставался на месте. Никаких шагов больше слышно не было, и он медленно тронулся вперед.

- Сынок! – крикнул он. – Эй! Ты где?
- Йа здесь, – ответил голос из тумана. – Спокойной ночи!
- Спокойной ночи!
- Доброе утро!

– Доброе утро! – крикнул большой шар, покатился в сторону, откуда долетел ответ, и двигался довольно долго, пока не стало ясно, что они с сыном разминулись.

- Эй! – крикнул он снова. – Ты где?
- Йа здесь.

На этот раз голос долетел издалека и слева. Большой шар двинулся было туда, но сразу же испуганно замер. Впереди раздался громopodobный удар, такой сильный, что даже бетон под ногами мелко задрожал. Следующий удар раздался ближе, и навозный шар увидел огромную красную туфлю с острым каблуком, врезавшимся в бетон в нескольких метрах впереди.

- Папа! Йа теперь тоже слышу шаги! Что это? – долетел далекий голос сына.
- Сынок! – отчаянно прокричал отец.
- Папа!

Мальчик закричал от страха и поднял взгляд. Над его головой мелькнула тень, и на миг ему показалось, что он видит красную туфлю с темным пятном на подошве, уносящуюся в небо, и еще показалось, что в невероятной высоте, куда взмыла туфля, возник силуэт огромной

расправившей крылья птицы. Мальчик с трудом отлепил руки от навозного шара и кинулся к месту, откуда последний раз долетел отцовский голос. Через несколько шагов он наткнулся на большое темное пятно на асфальте, поскользнулся и чуть не упал.

– Папа, – тихо сказал он.

Видеть то, что осталось от папы, было слишком тяжело, и он, постепенно понимая, что произошло, побрел назад к своему шару. Перед его глазами встала добрая папина морда со страшными только на вид хитиновыми рогами и полными любви бусинками глаз, и он заплакал. Потом он вспомнил, как папа, протягивая ему кусок навоза, говорил, что слезами горю не поможешь, и перестал плакать.

«Папина душа полетела на небо, – подумал он, вспомнив быстро уносящееся вверх пятно на огромной подошве, – и я уже ничем не смогу ему помочь».

Он поднял взгляд на шар, удивился, каким тот стал большим за последнее время, потом посмотрел на свои руки и со вздохом положил их на теплую податливую поверхность навоза. Поглядев последний раз туда, где оборвалась папина жизнь (ничего, кроме тумана, видно уже не было), он толкнул Йа вперед.

Шар был таким массивным, что требовал всего внимания и всей силы, и мальчик полностью погрузился в свой нелегкий труд. В его голове мелькали смутные мысли – сначала о судьбе, потом о папе, потом о себе самом, – и скоро он приноровился, и уже не надо было толкать шар, достаточно было просто бежать вслед за ним на тонких черных лапках, чуть приподняв морду, чтобы длинный хитиновый вырост на нижней челюсти не цеплял за шар. А еще через несколько шагов лапки достаточно глубоко увязли в навозе, шар поднял мальчика, обрушил на бетон, и жизнь вошла в свое русло, по которому шар и покатился вперед.

Бетонная плита наезжала на глаза, и наступала тьма, а когда появлялся свет, оставалась только слабая память о том, что минуту назад снилось что-то очень хорошее.

«Йа вырасту большой, женюсь, у меня будут дети, и Йа научу их всему, чему меня научил папа. И Йа буду с ними таким же добрым, каким он был со мной, а когда Йа стану старым, они будут обо мне заботиться, и все мы проживем долгую счастливую жизнь», – думал он, просыпаясь и поднимаясь по плавной окружности навстречу новому дню движения сквозь холодный туман по направлению к пляжу.

3. Жить, чтобы жить

Вверху было только небо и облако в его центре, похожее на чуть улыбающееся плоское лицо с закрытыми глазами. А внизу долгое время не было ничего, кроме тумана, и когда он наконец рассеялся, Марина так устала, что еле держалась в воздухе. С высоты было заметно не так уж много следов цивилизации: несколько бетонных молотов, дощатые навесы над пляжем, корпуса пансионата и домики на далеких склонах. Еще была видна глядящая ввысь чаша антенны на вершине холма и стоящий рядом вагончик из тех, что называют наваристым словом «бытовка». Вагончик и антенна были ближе всего к небу, с которого медленно спускалась Марина, и она разглядела, что антенна ржавая и старая, дверь вагончика крест-накрест заколочена досками, а стекла в его окне выбиты. От всего этого веяло печалью, но ветер пронес Марину мимо, и она сразу же забыла об увиденном. Расправив полупрозрачные крылья, она сделала в воздухе прощальный круг, взглянула напоследок в бесконечную синеву над головой и стала выбирать место для посадки.

Выбирать было особенно не из чего – достаточно пустого пространства было только на набережной, и Марина понеслась над бетонными плитами, еще в воздухе начав перебирать ногами. Посадка чуть не кончилась катастрофой, потому что в плитах попадались металлические решетки для стока воды, и Марина чудом не угодила в одну из них тонким каблучком. Коснувшись ногами земли, она быстро побежала вперед, стуча красными каблучками по бетону, метров через тридцать погасила инерцию, остановилась и огляделась.

Первым объектом, с которым она встретилась в новом для себя мире, оказался большой фанерный щит, где было нарисовано несбывшееся советское будущее и его прекрасные обитатели – Марина на минуту впиалась глазами в их выцветшие нордические лица, над которыми висели похожие на ватрушки из «Книги о вкусной и здоровой пище» космические станции, а потом перевела взгляд на закрывавшую полстенда афишу, написанную от руки на ватмане широким плакатным пером:

ПРИШЕЛЬЦЫ СРЕДИ НАС

Лекция о летающих тарелках и их пилотах.

Новые факты. Демонстрация фотографий.

Для желающих после лекции проводится

СЕАНС ЛЕЧЕБНОГО ГИПНОЗА

Лекцию и сеанс проводит

лауреат Воронежского слета экстрасенсов

кандидат технических наук

А. У. ПАУКОВ

В кустах за афишей подрагивали последние сгустки тумана, но небо над головой было уже ясным, и с него всюду светило солнце. В конце набережной был мост над впадающим в море сточным ручьем, а за ним стоял ларек, от которого доносилась музыка – именно такая, какая и должна играть летним утром над пляжем. Справа от Марины, на лавке перед душевым павильоном, дремал старик с гривой желтовато-седых волос, а в нескольких метрах слева, возле похожих на маленькую белую виселицу весов, ждала клиентов женщина в медицинском халате.

Марина услышала шуршание крыльев, подняла голову и увидела еще двух снижающихся муравьиных самок, повторяющих маневры, которые несколько минут назад проделала она. С их плеч свисали точно такие же сумки, как у Марины, и одеты они были так же – в джинсовые

юбки, кооперативные блузки и красные туфельки на острых каблуках. Та, что летела впереди и ниже, пронеслась над ограждением набережной и, набирая высоту, помчалась над морем. Вторая пошла было на посадку, потом, видно, передумала и быстро замахала крыльями, пытаясь подняться, но было уже поздно, и она на всей скорости врезалась в витрину палатки. Раздались звон стекол и крики; Марина сразу же отвела глаза, успев только заметить, что к месту происшествия кинулись несколько прохожих.

Рядом по набережной, задрав крылья и балансируя сумкой, пробежала еще одна только что приземлившаяся перепончатокрылая самка. Марина поправила на плече сумочку, развернулась и неспешно пошла вдоль длинного ряда скамеек.

На душе у нее стало легко и покойно, и если бы еще не жали туфельки, было бы совсем хорошо. Навстречу попадались загорелые волосатые мужчины в плавках – они оценивающе обводили стройную Маринину фигуру глазами, и от каждого такого взгляда делалось тепло и начинало сладко сосать под ложечкой. Марина дошла до моста над ручьем, полюбовалась белой полосой пены на границе моря и суши, послушала шорох перекатывающейся под волнами гальки и повернула назад.

Через несколько шагов она ощутила неясное томление – пора было что-то сделать. Марина никак не могла взять в толк, что именно, пока не обратила внимания на тихий шелест за спиной. Тогда она сразу поняла – или, скорее, вспомнила.

Крылья, которые до сих пор волочились за ней по пыли, были не нужны. Она подошла к краю тротуара, огляделась по сторонам и нырнула в кусты. Там она присела, сунула руку за плечо, поймала ладонью основание крыла и изо всех сил дернула. Ничего не произошло – крыло держалось слишком прочно. Марина дернула второе, и тоже безрезультатно. Тогда она наморщила лоб и задумалась.

– А, ну да, – пробормотала она и открыла сумочку. Первым, что попало ей под руку, был небольшой напильник.

Пилить крылья было не больно, но все же неприятно; особенно раздражал скребущий звук, от которого в лопатках возникало подобие зубной боли. Наконец крылья упали в траву, и от них остались только выступы возле лопаток и две дыры в кофточке. Марина сунула напильник в сумку, и в ее душу вернулся радостный покой. Она вынырнула из кустов на залитую светом набережную.

Мир вокруг был прекрасен. Но в чем именно заключалась эта красота, сказать было трудно: в предметах, из которых состоял мир, – в деревьях, скамейках, облаках, прохожих, – ничего особенного вроде бы не было, но все вместе складывалось в ясное обещание счастья, в честное слово, которое давала жизнь непонятно по какому поводу. У Марины внутри прозвучал вопрос, выраженный не словами, а как-то по-другому, но означавший несомненно: «Чего ты хочешь, Марина?»

И Марина, подумав, ответила что-то хитрое, тоже не выразимое словами, – но вложила в этот ответ всю упрямую надежду молодого организма.

– Вот такие песни, – прошептала она, глубоко вдохнула пахнувший морем воздух и пошла по набережной навстречу сияющему дню. Вокруг прохаживалось довольно много муравьиных самок; они ревниво поглядывали друг на друга и на Марину, на что она отвечала такими же взглядами; впрочем, смысла в этом не было, потому что различий между ними не существовало абсолютно никаких.

Не успела Марина подумать, что надо бы чем-нибудь себя занять, как увидела прибитую к деревянному столбу стрелку с надписью:

Видеобар с непрерывным показом французских художественных фильмов

Стрелка указывала на тропинку, ведущую к большому серому зданию за деревьями.

Видеобар оказался затхлым подвалом с кое-как подмалеванными стенами, пустыми сигаретными пучками над стойкой и мерцающим в углу экраном. Сразу за дверью Марину остановил выпуклый мужик в спортивном костюме и потребовал два шестьдесят за вход. Марина полезла в сумку и нашла там маленький кошелек из черного дерматина; в кошельке оказались два мятых рубля и три двадцатикопеечные монеты. Она пересыпала их в мускулистую ладонь, которая сжала деньги тремя пальцами, а четвертым указала на свободное место за столиком.

Вокруг большей частью были недавно приземлившиеся девушки в дырявых на спине блузках. Телевизор, в который они замороженно глядели, очень напоминал небольшой аквариум, по единственной прозрачной стене которого время от времени пробежала радужная рябь. Марина устроилась поудобней и тоже стала глядеть в аквариум.

Внутри плавал мордастый мужчина средних лет в накинута на плечи дубленке. Подплыв к стеклу, он влажно поглядел на Марину, а потом сел в машину красного цвета и поехал домой. Жил он в большой квартире, с женой и похожей на Жанну д'Арк юной служанкой, которая по сюжету вроде не была его любовницей, но немедленно заставила Марину задуматься – трахнул он ее во время съемок или нет.

Мужчина любил очень многих женщин, и часто, когда он стоял у залитого дождем окна, они обнимали его за плечи и задумчиво припадали щекой к надежной спине. Тут в фильме было явное противоречие – Марина ясно видела, что спина у мужчины очень надежная (она даже сама мысленно припала к ней щекой), но, с другой стороны, он только и делал, что туманным утром бросал заплаканных женщин в гостиничных номерах, и на надежности его спины это не сказывалось никак. Чтобы его напряженная половая жизнь обрела необходимую романтическую полноту, вокруг иногда возникали то африканские джунгли, где он, чуть пригибаясь под пулями и снарядами, брал интервью у командира наемников, то Вьетнам, где он в кокетливо сдвинутой каске, с журналистским микрофоном в руке, под дивную французскую песню – тут Марине на глаза навернулись прозрачные слезы – брел среди призывно раскинувшихся трупов молоденьких американцев, которым мордастый мужчина, несмотря на возраст, совсем не уступал в отваге и мужской силе. Словом, фильм был очень тонкий и многоплановый, но Марину интересовало только развитие сюжета, и она с облегчением вздохнула, когда герой снова оказался в старом добром Париже, в гостиничном номере, за окном которого было туманное утро, и к его широкой и надежной спине припала окончательная щека.

Под конец Марина так ушла в свои мечты, что толком не заметила, как погас волшебный аквариум и она оказалась на улице; в себя она пришла от ударившего в глаза солнца, поспешила в тень и пошла по кипарисовой аллее, примеряя к своей жизни самые понравившиеся кусочки фильма.

Вот она лежит в кровати, на ней желтый шелковый халат, а на тумбочке рядом стоит корзина цветов. Звонит телефон, Марина снимает трубку и слышит голос мордастого мужчины:

– Это я. Мы расстались пять минут назад, но вы позволили звонить вам в любое время.

– Я уже сплю, – грудным голосом отвечает Марина.

– В это время в Париже сотни развлечений, – говорит мужчина.

– Хорошо, – отвечает Марина, – но пусть это будет что-то оригинальное.

Или так: Марина (в узких темных очках) запирает автомобиль, и остановившийся рядом мордастый мужчина делает тонкое замечание об архитектуре. Марина поднимает глаза и

смотрит на него с холодным интересом:

– Мы знакомы?

– Нет, – отвечает мужчина, – но могли бы быть знакомы, если бы жили в одном номере...

Вдруг Марина позабыла про фильм и остановилась.

«Куда это я иду?» – растерянно подумала она и поглядела по сторонам.

Впереди была одинокая белая пятиэтажка с обвитыми плющом балконами, перед пятиэтажкой – иссеченный шинами пыльный пустырь, на краю которого пованивала декоративная белая мазанка придорожного сортира. Еще была видна пустая автобусная остановка и несколько глухих каменных заборов. Марина совершенно четко ощутила, что вперед ей идти не надо, оглянулась и поняла, что возвращаться назад тоже незачем.

«Надо что-то сделать», – подумала она. Что-то очень похожее на ампутацию крыльев, но другое – вроде бы она только что это помнила и даже шла по аллее с туманным пониманием того, куда и для чего она направляется, но сейчас все вылетело из головы. Марина ощутила то же томление, что и на набережной.

– Если бы мы жили в одном номере, – пробормотала она, – в одном но... О господи.

Она хлопнула себя по лбу. Надо было начинать рыть нору.

...Подходящее место нашлось рядом с главным корпусом пансионата – в широкой щели между двумя гаражами, где земля была достаточно сырой и годилась для рытья. Марина туфелькой раскидала пустые бутылки и ржавую консервную жесть, открыла сумочку, вынула новенький красный совок и, присев на корточки, глубоко погрузила его в сухой крымский суглинок.

Первый метр она осилила без особого труда после слоя почвы началась смешанная с песком глина, рыть которую было несложно. Правда, когда край ямы оказался на уровне груди, она пожалела, что не сделала нору шире – было бы легче выкидывать землю. Но вскоре она придумала, как облегчить себе работу. Сначала она как следует разрыхляла грунт под ногами, а потом, когда его набиралось много, горстями выкидывала за край ямы. Иногда встречались обломки кирпичей, камни, осколки старых бутылок и гнилые корни давно срубленных деревьев – это осложняло работу, но не сильно. Марина была настолько поглощена своим занятием, что не знала, сколько прошло времени; выкидывая из ямы очередной мокрый булыжник, она заметила, что небо уже потемнело, и очень удивилась.

Наконец яма достигла такой глубины, что, выкидывая землю, Марине приходилось подниматься на цыпочки, и она почувствовала, что пора рыть вбок. Это оказалось сложнее, потому что грунт здесь был неподатливый и совок часто лязгал о камни, но делать было нечего; Марина, сжав зубы, на время растворила свою личность в работе, и от всего мира остались только земля, камни и совок. Когда она пришла в себя, первая камера была почти готова. Вокруг царил темнота, и когда Марина выползла из бокового хода в вертикальную часть норы, высоко над ее головой загадочно мигали звезды.

Марина чувствовала оглушительную усталость, но знала, что лечь спать ни в коем случае нельзя. Она вылезла из ямы на поверхность и стала раскидывать отработанную землю, чтобы никто не заметил вход в нору. Земли было слишком много, и Марина поняла, что поблизости всю ее не спрятать. Она чуть подумала, сняла с себя юбку и завязала подол узлом. Получился довольно вместительный мешок. Марина ладонями затолкала в него столько земли, сколько влезло, с трудом закинула груз на плечо и, пошатываясь, пошла к пустырю. Светила луна, и сначала Марине было страшно выйти из тени, но потом она решилась, быстро пробежала по залитому голубым светом пустырю за гаражами и ссыпала землю на обочине дороги. Второй раз это было уже не так страшно, а в третий она даже перестала коситься на окна пятиэтажки, в

которых не то горели тусклые лампы, не то просто отражалась луна. Быстро перемещаться мешали туфельки: каблук одной из них сломался, когда она рыла нору. Марина скинула их, поняв, что они больше не нужны.

Бегать босиком стало легче, и довольно скоро на краю дороги выросла куча земли, словно сброшенная самосвалом, а вход в нору перестал быть заметен со стороны. Марина валилась с ног, но у нее все же хватило сил отыскать кусок картонного сигаретного ящика с нарисованным зонтиком и красной надписью «Parisienne», которым она, спускаясь в нору, прикрыла вход. Теперь все было сделано. Она успела.

– Хорошо, – пробормотала она, со счастливой улыбкой сползая по шершавой земляной стене на пол и вспоминая мордастого мужика из фильма, – хорошо. Но пусть это будет что-нибудь оригинальное...

Весь следующий день она спала – один только раз ненадолго проснулась, подползла к выходу и, чуть отодвинув картонку, выглянула наружу. В нору ударил косой солнечный луч и долетел щебет птиц, такой счастливый, что даже показался ненатуральным, словно на дереве сидел покойный Иннокентий Смоктуновский и щелкал соловьем. Марина вернула картонку на место и поползла назад в камеру.

Когда она проснулась в следующий раз, первое, что она почувствовала, был голод. Марина открыла сумку, которая раньше решала все ее проблемы, но там остались только узкие черные очки, совсем как у девушки из фильма. Марина решила вылезти наружу и тут заметила, что юбки, из которой прошлой ночью получился мешок, нигде нет – видно, она так и осталась у дороги вместе с последней порцией земли. Туфельки на ногах тоже не было – Марина вспомнила, что сбросила их, когда они стали мешать. Лезть в таком виде наружу нечего было и думать. Марина села на землю и заплакала, а потом опять уснула.

Когда она проснулась, было темно. За время сна что-то в ней изменилось – теперь Марина не раздумывала, можно ли выходить в таком виде наружу. Она просто нащупала в темноте совок, откинула картонку, вылезла, присела и подняла глаза к небу.

Удивительно красива крымская ночь. Темнея, небо поднимается выше, и на нем ясно проступают звезды. Из всесоюзной здравницы Крым незаметно превращается в римскую провинцию, и в душе оживают невыразимо понятные чувства всех тех, кто так же стоял когда-то на древних ночных дорогах, слушал треск цикад и, ни о чем особо не думая, глядел в небо. Узкие и прямые кипарисы кажутся колоннами, оставшимися от давно снесенных зданий, море шумит точно так же, как тогда (что бы это «тогда» ни значило), и перед тем как толкнуть навозный шар дальше, успеваешь на миг ощутить, до чего загадочна и непостижима жизнь и какую крохотную часть того, чем она могла бы быть, мы называем этим словом.

Марина опустила глаза и потрясла головой, чтобы собраться с мыслями. Мысли натряслись такие: надо сходить на рынок и выяснить обстановку.

Марина медленно пошла к темной скале пансионата, высоко поднимая ноги, чтобы не споткнуться. Вокруг видно почти ничего не было, и, как Марина ни осторожничала, через несколько шагов она ступила в ямку и упала, чуть не сломав сустав. От боли у нее прояснилось в голове, и Марина поняла, что на четвереньках двигаться гораздо удобней и безопасней. Она вприпрыжку потрусилась вперед, выскочила на обсаженную цветами освещенную дорожку и побежала к фонарям набережной – перемещалась она на трех лапках, потому что в четвертой был сжат зазубренный и ободраный долгой работой совок.

Рынок оказался просто частью набережной под металлическим навесом. Вокруг никого не было, и Марина принялась шарить возле пустых прилавков, пытаясь отыскать хоть что-нибудь съедобное. Минут за двадцать она нашла множество давленных груш и яблок, несколько слив, два полуобглоданных кукурузных початка и совершенно целую виноградную гроздь. Она наполнила

всем этим найденный здесь же рваный пластиковый пакет и пошла к пустым столикам возле угасшего мангала – днем она заметила, как здесь пили пиво и ели шашлык, и решила посмотреть, не осталось ли чего на столах.

– Самка, где виноград брали?

Марина от неожиданности так испугалась, что чуть не выронила сумку. Но когда она оглянулась, то испугалась еще сильнее и отпрыгнула на несколько шагов назад. Перед ней стояла худая женщина в измазанных глиной синих трусах и рваной блузке. Ее глаза дико горели, волосы были перепачканы землей и всклокочены, а руки и ноги сильно исцарапаны. Одной рукой она прижимала к груди фанерный ящик с объедками, а в другой держала точно такой же совок, как у Марины, и по этому совку Марина поняла, что перед ней тоже муравьиша.

– А там вон, – ответила она и показала совком в сторону прилавков, – только там нет больше. Кончился.

Женщина сладко улыбнулась и шагнула к Марине, не спуская с нее горящих глаз. Марина сразу все поняла, пригнулась и выставила перед собой совок. Тогда женщина бросила ящик в траву, зашипела и прыгнула на Марину, целясь ей головой в живот. Марина успела заслониться от удара пакетом и смазала женщину совком по лицу, а потом еще пнула ногой. Самка в синих трусах завизжала и отскочила.

– Катись отсюда, гадина! – крикнула Марина.

– Сама гадина, – пятась и дрожа, прошипела женщина. – Поналетели тут к нам, суки позорные...

Марина шагнула к ней, размахнулась совком, и женщина быстро-быстро убежала в темноту. Марина склонилась над ее ящиком, выбрала несколько мягких мокрых помидоров получше и положила в свой пакет.

– Еще кто к кому поналетел! Сраная уродина! – победно крикнула она в ту сторону, где скрылась женщина, и зашагала к мосту; не дойдя до него нескольких метров, она остановилась, подумала, вернулась и захватила брошенный сраной уродиной ящик.

«Какая страшная», – с омерзением думала она по дороге.

Сложив продукты в углу норки, Марина опять вылезла и, словно на крыльях, на четвереньках понеслась к пансионату. У нее было очень хорошее настроение.

– Вот такие песни, – шептала она, зорко вглядываясь во тьму.

Наконец она нашла то, что искала, – на газоне стоял маленький стог сена, накрытый полиэтиленом. Марина заметила его еще в первый день. За несколько рейдов она перетаскала к себе все сено, потом, удивляясь и радуясь своей лихости, подкралась к стене пансионата и медленно пошла вдоль нее, пригибаясь, когда проходила мимо окон. Одно из них было открыто, и из-за него доносилось громкое дыхание спящих. Марина, отвернувшись, чтобы случайно не увидеть своего отражения в стекле, подкралась к черному проему, подпрыгнула, одним сильным и красивым движением сорвала висевшую в окне штору и не оборачиваясь кинулась назад к норке.

4. Стремление мотылька к огню

Зеркало в тяжелой раме из тусклого дерева, висевшее над спинкой кровати, казалось совершенно черным, потому что отражало самую темную стену комнаты. Иногда Митя щелкал зажигалкой, и по черной поверхности зеркала проходили оранжевые волны, но зажигалка быстро нагревалась, и ее приходилось гасить. Из окна на кровать падало чуть-чуть света, хотя уже был вечер и на танцплощадке начала играть музыка. Сквозь марлевую занавеску можно было различить в темноте далекие вспышки разноцветных ламп – точнее, не сами вспышки, а их отсветы на листе.

Митя лежал в полутьме, задрал ноги в кроссовках на высокую решетчатую спинку кровати, и поглаживал рукой Марка Аврелия Антонина, сплющенного веками в небольшой зеленый параллелепипед, листать который было уже темно. Рядом лежала другая книга, китайская, называвшаяся «Вечерние беседы комаров У и Цэ».

«Удивительно, – думал он, – чем глупее песня и чем чище голос, тем больше она трогает. Только ни в коем случае не надо задумываться, о чем они поют. Иначе все...»

Лежать дальше было утомительно. Митя вынул из книги исписанный лист бумаги, сложил его вчетверо, сунул в карман и встал. Нашарив на столе сигареты, он отпер дверь и вышел наружу. Узкий проход между курортными домиками освещало только соседнее окно; была видна калитка, лавка у проволочной изгороди и длинные бледные травы в русле высохшего ручья. Митя запер дверь, увидел свое отражение в стекле и хмыкнул. С тех пор как он понял, что уже вылез из кокона, он стал выглядеть в темноте довольно странно. Тяжелые крылья, сложенные на его спине, казались плащом из серебряной парчи, доходившим почти до земли, и Мите иногда бывало интересно, что видят на их месте другие.

За светящейся занавеской соседнего домика играли в карты и разговаривали. Там жила семейная пара, а сейчас у них, судя по голосам, были гости.

– Теперь черви, – говорил мужской голос. – Ну конечно, жизнь изменилась, Оксан. Ты еще спрашиваешь. С тобой все по-другому стало.

– Ну а лучше или хуже? – требовательно спросил тонкий женский голосок.

– Ну как... Теперь ответственность появилась, – задумчиво ответил мужской голос. – Знаю, куда после работы идти. Ну и ребенок, сама понимаешь... Играю втемную.

– У тебя же и так минус четыреста, – вмешался другой мужской голос.

– А что делать? – спросил первый. – Шестерка червей.

Митя зажег сигарету (на огонек зажигалки мотнулось несколько крохотных насекомых), прошел через калитку и перепрыгнул сухое русло. Осторожно преодолев несколько метров полной темноты, он продрался сквозь кусты, вышел на асфальт, остановился и поглядел назад. Светлая линия дороги доходила до вершины холма и обрывалась, а дальше были видны черные силуэты гор. Одна из гор, та, что справа, напоминала со стороны моря огромного бронированного орла, наклонившего голову вперед; с катера, который ходил по вечерам мимо, бывали иногда заметны непонятные огни на вершине – наверное, там стоял маяк. Сейчас огней не было.

Сделав несколько затяжек, Митя кинул окурок на асфальт, тщательно раздавил его и медленно побежал вниз по дороге. Через несколько шагов его подхватила волна воздуха, он пронесся между кронами деревьев, поджал ноги, чтобы не зацепить натянутый между двумя столбами электрический провод (тот был невидим в темноте, и один раз Митя уже ободрал о него голень), и, когда вверху осталось только чистое темное небо, стал широкими кругами набирать высоту. Вскоре стало прохладнее, спина заняла от усталости; Митя решил, что

поднялся достаточно высоко, и поглядел вниз.

Внизу, как и в любой другой вечер, горели редкие фонари и окна. Источников света, достаточно ярких для того, чтобы возникло хотя бы слабое желание направиться к ним, было мало – две ресторанные вывески, розовая неоновая явочка «А/О ЛЮЭС» на углу темной башни пансионата и мерцающее зарево расположенной рядом танцплощадки. С высоты она была похожа на большой раскрытый цветок, все время меняющий цвета и вместо запаха источающий музыку, которая была слышна даже здесь. Инстинкт гнал к этому цветку всех окрестных насекомых каждый раз, когда чья-то лапка включала электричество, и Митя решил спуститься посмотреть, что там сейчас происходит.

Снизившись, он полетел на бреющем, почти цепляя верхушки деревьев. Когда танцплощадка приблизилась, она перестала походить на цветок и превратилась во что-то виденное в детстве, новогоднее, – это был огромный клубок просвечивающих сквозь ветви электрических гирлянд, из которого сочилась музыка удивительной пошлости и красоты.

– Твоя вишневая «де-вят-ка» давно свела меня с ума, – пела неизвестная сумасшедшая из десятка мощных динамиков.

Внимательно вглядываясь в несущуюся под ногами тропинку, на которую он обычно садился, Митя широко раскрыл крылья, повернул их навстречу бьющему в лицо воздуху – они задрожали под ветром – и повис на месте. Мягко спружинив о сухую твердую землю, он сошел с тропинки и зашагал по газону.

Танцплощадка была просто асфальтовым полем за высоким проволочным забором. К забору прилепилась невысокая деревянная эстрада, на которой громоздились черные коробки динамиков. По периметру площади в несколько рядов стояли занятые народом лавки, а само пространство для танцев было, как автобус в час червей, заполнено извивающимися распаренными телами. Митя заплатил за вход, миновал нескольких бутылочного цвета мух и сел на краю лавки. За вечер состав толпы успевал полностью смениться несколько раз; устав, народ расплзался по лавкам или уходил совсем, но на смену вставали другие, и танец ни на миг не прерывался. Митя любил размышлять о том, как это похоже на жизнь, – правда, наслаждаться своей отрешенностью немного мешало сознание того, что он тоже почему-то сидит вместе со всеми на лавке и глядит на чужие потные лица.

Вдруг музыка стала громче, лампы погасли, а потом стали по очереди вспыхивать на долю секунды, вырывая из темноты то зеленую, то синюю, то красную монолитно-неподвижную толпу, которая в короткие моменты своего существования напоминала свалку гипсовых фигур, свезенных сюда со всех советских скверов и пионерлагерей; так прошло несколько минут, и стало ясно, что на самом деле нет ни танцев, ни танцплощадки, ни танцующих, а есть множество мертвых парков культуры и отдыха, каждый из которых существует только ту долю секунды, в течение которой горит лампа, а затем исчезает навсегда, чтобы на его месте через миг появился другой парк культуры и отдыха, такой же безжизненный и безлюдный, отличающийся от прежнего только цветом одноразового неба и углами, под которыми согнуты конечности статуй.

Митя встал, пробрался мимо весело жужжащих девочек в зеленых и синих платьицах и вышел за ворота, у которых сидели несколько качков в тренировочных костюмах предостерегающей окраски. В просвете между деревьями был виден тускло горящий лиловый фонарь. Он ярко загорелся, несколько раз мигнул и погас, и Митя, подчиняясь неожиданному импульсу, пошел вперед, во тьму.

Деревья, закрывавшие небо, скоро кончились, и из кустов на Митю задумчиво глянул позеленевший бюст Чехова, возле которого блестели под лунным светом осколки разбитой водочной бутылки. Набережная была пуста. Под одним из тусклых фонарей сидела компания

доминошников с пивом, издававшая бодрые голоса и стук. Митя подумал, что обязательно надо будет искупаться, и пошел вдоль шеренги скамеек, призывно повернутых женственным изгибом к морю.

Конец ознакомительного отрывка книги

[Скачать полный вариант книги](#)